

М.М. Будылина

Санкт-Петербургский государственный университет

**Диалог как основной структурообразующий принцип
в Житии протопопа Аввакума**

Аннотация: В статье исследуется проблема диалога как структурообразующего принципа Жития протопопа Аввакума. Выявляется авторская установка на диалог и диалогические структуры на разных уровнях организации текста. За основу исследования берутся два аспекта: диалог автора и читателя и диалог автора и единомышленников/оппонентов в полемических фрагментах повествования.

Ключевые слова: автобиографическое житие, протопоп Аввакум, диалог, поэтика, русское средневековье, автор, читатель, полемическое повествование.

Автобиографическое Житие протопопа Аввакума – одно из самых оригинальных и эмоционально насыщенных произведений древней русской литературы, созданное в период разрушения литературных традиций русского средневековья – в 70-х гг. XVII в. Проблемы его стиля, поэтики, сюжетно-композиционной и жанровой структуры изучаются более столетия [см.: Виноградов, 1923, с. 195-293] и до сих пор не теряют своей актуальности¹. Это объясняется тем, что Житие не однородно ни в стилевом, ни в жанровом, ни в композиционном планах. Такой синкретизм стилей и жанров не позволяет определенно отнести памятник ни к одной традиционной жанрово-стилевой системе. Подобное положение вещей обусловлено как особой культурной ситуацией, в которой создавалось Житие, – ситуацией “разлома” культуры, так и яркостью личностного, авторского начала в автобиографическом повествовании.

В ходе дальнейшего изучения поэтики этого выдающегося памятника XVII века представляется необходимым обратить внимание на проблему диалога как основного структурообразующего принципа в Житии. Эта проблема не была поставлена до настоящего времени, хотя в исследовательской литературе упоминалось о диалоге в Житии: В.В. Виноградов рассматривал сказовую форму изложения Жития как интимную дружескую «беседу», «вяканье»; В.П. Адрианова-Перетц отмечала, что Аввакум «сохранял в своих писаниях манеру живой беседы» [Адрианова-Перетц, 1941, с. 299]; Д.С. Лихачев писал о «подлинной беседе» Аввакума [Лихачев, 1948, с. 316]. Н.С. Демкова подчеркивала значение речей действующих лиц в Житии как элементов драматизации текста [Демкова, 1988, с. 303-304]. Сказ понимался исследователями как форма повествования с установкой на устную речь.

Вместе с тем, вопрос о природе «живой беседы» Аввакума не ставился. С моей точки зрения, в основе «подлинной беседы», в основе сказа в Житии лежит авторская установка на диалог, установка на контакт с читателем, единомышленником; целью настоящей статьи и является выявление этой установки на диалог: диалогические структуры обнаруживаются на разных уровнях организации текста Жития.

¹ См., например, одно из существенных современных исследований поэтики Жития: [Герасимова, 1993].

Диалог – это живой речевой акт, разговор, общение двух и более партнеров. Однако при риторическом подходе текст понимается как речевой акт в целом – он всегда диалогичен. Если так воспринимать текст, то возникает проблема диалога автора и читателя и проблема диалогов между текстами, соответственно, затрагиваются вопросы интертекстуальности и цитации. Что касается понятия «диалог» применительно к Житию протопопа Аввакума, то мы исходим из точки зрения М.М. Бахтина – рассматриваем Житие как текст, имеющий внутреннюю диалогическую природу. Диалогическая природа Жития Аввакума проявляется как в ориентации автора на обращение к слушателю, читателю, так и в его открытой полемике с оппонентами (никонианами), в многократном использовании «чужого слова» (различные виды цитации, например, включение цитат из Священного Писания). Кроме того, в Житии можно обнаружить и различные диалогические элементы (диалоги героев, сложное соотношение автора и героя, несобственно прямая речь, диалог автора и читателя и др.).

Разнообразные формы выражения диалогизма в Житии проявляются на различных уровнях текста: речевом, интонационном, композиционном, структурном, сюжетном. Рассмотрим здесь диалогизм Жития только в двух аспектах:

1) Ориентация автора (как создателя текста) на обращение к читателю, слушателю. Диалог автора и читателя наиболее явно проявляет себя в прямых авторских обращениях к читателю.

2) Ориентация автора (носителя определенной точки зрения) на обращение к единомышленникам или оппонентам. Диалоги автора и единомышленников/оппонентов наиболее отчетливо проявляются в полемических фрагментах повествования, в «проповедях» Жития.

Мы не рассматриваем здесь диалоги и реплики героев Жития на сюжетно-композиционном уровне текста – это тема особой работы.

Авторские обращения к читателям и проблема диалога

Сказ, сказовая манера повествования представляет собой по своей сути разновидность диалогической речи. То, что автор выбирает именно такую форму повествования, свидетельствует о его установке на диалог с читателем. Непосредственно в тексте Жития эта установка проявляется в использовании автором обращений ко «всем чтущим».

Обращений (в прямом значении термина) к читателю в тексте не так много (около 10). По форме они мало варьируются по ходу всего Жития: «Отче», «Отче мой Епифаний», «Слышателю»¹. Кроме того, функционально к таким обращениям примыкают императивы, обращенные к читателю. Доказательством этого функционального сходства служит то, что обращение иногда следует после императивов («Видь, слышателю»), порой оно может быть опущено в тексте («Видь»). На протяжении текста Жития встречаются такие императивы: «зри», «чти», «виждь», «слушай». Наиболее частотный – «простите».

Если попытаться найти особенности в употреблении автором обращений, то следует выделить две основных функции обращений в тексте Жития. Во-первых, они выполняют функцию композиционного членения текста – все обращения к читателю и Епифанию имеют четкое расположение в тексте, большинство из них помещено либо в начало, либо в конец какого-либо эпизода, описания, рассказа о «чуде». Во-вторых, обращения выполняют коммуникативную функцию (подробнее об этом см. ниже).

¹ Текст Жития здесь и далее цитируется с сохранением пунктуации издателя по автору графу редакции А, изданной в кн.: [Робинсон, 1963] (далее страницы указываются в скобках).

Отметим, что по функции обращения не совпадают с многочисленными авторскими восклицаниями (например, «О, горе мне!»), рассыпанными по тексту Жития. Авторские восклицания направлены на установление эмоционального контакта с читателем, но они привлекают его внимание непосредственно к ходу событий, погружают его в текст, в сознание героя-протопопа, заставляют сопереживать, жалеть и понимать. Поэтому для автора важно, чтобы восклицания эти «входили» внутрь эпизодов, синхронизируя реакцию героя-протопопа и читателя на события: «Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! – иногда робенка погонят от окна без ведома боярынина, а иногда и многоныко притащит» (152). На какой-то момент читательское эмоциональное восприятие должно совпасть с восприятием героя (а быть может, и автора). Во всех этих случаях задачей автора не является желание напомнить читателю о том, что он *читатель*. Напротив, происходит предельное погружение читателя в эпизод, в чужое сознание – в сознание героя.

Функция обращений и упомянутых императивов, по сравнению с авторскими восклицаниями, иная. В *композиционном плане* они структурируют текст, маркируют границы эпизодов или описаний чудес. То есть подчеркивают смысловую законченность, цельность отдельных частей текста.

В *коммуникативном плане* обращения служат соединительным звеном между внешней действительностью, которой принадлежит читатель, и внутритекстовым полем. Помещая их в начало или конец эпизодов, автор тем самым проводит своего рода проверку связи между собой и читателем, текстом и читателем. Причем для автора здесь важна оппозиция автор – читатель или герой – читатель. Читатель в данном случае привлекается как носитель активного начала, способный не только воспринимать и вживаться во внутреннее поле текста, но и активно реагировать на описываемые события. Естественно для автора стремление ждать и, соответственно, вызывать именно вербальную реакцию читателя, ибо отношение самого автора (и героя) Жития с миром, проявления его активности насквозь вербализованы. Мысль о важности вербальной реакции читателя подтверждается тем, что при описании отъезда героя из сибирской ссылки автор спрашивает читательское мнение и мнение Епифания о своем поступке (подробнее об этом эпизоде см. ниже), и более того, просит духовного отца сделать *приписку* непосредственно в тексте Жития. То есть диалог между автором и читателем (Епифанием) оказался реализованным, получил письменную фиксацию (графически передаем данную часть текста как диалог):

– Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на Страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

– Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружию твою Анастасию, и дочь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.

– Добро, старец, спаси Бог на милостыни! Полно тово (158).

Показательно само стремление автора к диалогической форме, ибо Аввакум имел возможность передать мнение Епифания и другими средствами. Автор, вводя приписку Епифания, демонстрирует, что ему действительно важна читательская реакция и что его обращения к читателю не являются лишь риторическим приемом.

Однако трактовать подобным образом все обращения к читателю не стоит. Где же автор ждет активной работы читательской мысли, приглашает подумать, согласиться или не согласиться, дать свою оценку?

Стоит рассмотреть конкретное композиционное положение обращений в тексте Жития:

1) Те обращения, что стоят в *начале* эпизодов, основной функцией действительно имеют структурное членение текста. К этому можно добавить, что марки-

руют они относительно длинные периоды (не каждый эпизод), своего рода законченные истории в рамках текста (поход Еремея в «Мунгальское царство», например, или рассказы о чудесах).

2) Те обращения, что стоят в *конце* эпизода, не просто маркируют его границу: именно они требуют активного участия читателя. Некоторые эпизоды автор завершает цитатой из Писания, но с описания сибирской ссылки многие эпизоды заканчиваются обращением, которое призывает читателя самому сделать вывод из сказанного автором или оценить действия героя (например, Еремея): «Да по Писанию и надобе так: Бог любит тех детей, которые почитают отцов. Видь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его?» (157). Теперь автору недостаточно лишь ссылки на цитату из Писания. Хотя надо учесть, что он путем самого изложения события, выбора фактов и характера описаний уже ответил на свой вопрос и ждет того же ответа от читателя (например, что Еремей – человек достойный).

Интересен в этом отношении уже упомянутый эпизод, в котором главный герой при отъезде из Сибири укрыл беглеца от преследователей, солгав им. За эту ложь Аввакум просит прощения у Епифания и читателей: «Каково вам кажется? Не велико ли моё согрешение?» (158). Тут же автор приводит пример из Писания, который оправдывает его (он ссылается на главу вторую Книги Иисуса Навина, где рассказывается о том, как блудница Раав на кровле своего дома скрыла от преследования иерихонского царя двух юношей, посланных Иисусом Навином в Иерихон на разведку). Нам ясно, что герой-Аввакум не согрешил, мы оправдываем его, но автору важен осознанный читательский ответ, работа именно его сознания. Более того, автору важен и вербальный ответ, поэтому он просит Епифания сделать приписку и далее отвечает на нее. Этим диалогом завершается эпизод. Автор снова показывает: то, что он описывает, может и должно быть соотнесено с настоящей жизнью, вызывать размышления (он просит: «Поразсудите» (158)).

Полемика в Житии как установка на диалог

Есть в Житии ряд полемических фрагментов повествования, обращенных как к сторонникам реформы Никона, так и к сторонникам Аввакума, старообрядцам. Эти полемические «отступления» в Житии сближаются с проповедью, то есть с устной речью. Это делает возможным также причислить их к проявлению диалогизма в Житии, ибо полемика всегда предполагает адресата – в данном случае это устная полемическая речь, обращенная к пастве.

Что собой представляют фрагменты текста Жития, относимые к полемическому уровню? В грамматическом плане – более частое употребление глаголов в настоящем времени (ср. с прошедшим временем сюжетно-композиционного уровня) и повелительном наклонении, большое количество обращений к читателям, и к борцам за старую веру, и к противникам старообрядцев – «никонианам». В смысловом плане – автор призывает читателя встать на его сторону в религиозной борьбе, которая понимается Аввакумом не как спор о церковных догматах и о внешнем соблюдении устоявшихся обрядовых форм, а как борьба за душу христианина под угрозой наступления конца времен, наступления Страшного Суда [Плюханова, 1982, с. 184-200]. Все это свидетельствует о том, что на полемическом уровне текст разомкнут во внетекстовую реальность.

Данные фрагменты текста внесюжетны – в них нет действий героев Жития (за исключением кульминационной сцены Жития – сцены собора 1667 г.), нет описаний событий, связанных с героями.

Полемика эта имеет диалогический характер – эти фрагменты текста обращены напрямую к «никонианам» или к соратникам автора (обращения к последним

косвенно поддерживают полемику с противниками). Участниками диалога являются:

МЫ (правоверные) – ОНИ (никониане);

Я (протопоп Аввакум) – ВЫ, ОНИ (никониане);

Я (протопоп Аввакум) – ТЫ (правоверный, борец за старую веру);

Здесь следует подчеркнуть общее значение местоимений **я / ты (мы / вы)**. По мнению Э. Бенвениста [Бенвенист, 1974, с. 121], «реальность», с которой соотносится местоимение **я** или **ты** – исключительно «реальность речи». (**Я** значит человек, который производит данный речевой акт, содержащий **я**). **Я** не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит. Важность этого явления состоит в том, что **я / ты** соотносятся не с «объективным» положением в пространстве или во времени, а с единственным каждый раз актом высказывания, который заключает в себе эти формы и «утверждает говорящего именно как говорящего». Задача и роль этих форм в языке, подчеркивает Эмиль Бенвенист, – **коммуникация на межсубъектном уровне**.

Итак, основаниями для выделения полемического уровня являются: а) диалог в вышеуказанных категориях; б) внесюжетность; в) тема церковного устройства; г) полемичность; д) наличие обращений к единомышленникам/противникам; е) частотность глаголов в форме наст. вр. и в форме повел. накл. В целом – соотнесенность с моментом речи. На всех изложенных выше основаниях выделяем пять фрагментов Жития, относящихся к полемическому уровню: 1) религиозное кредо Аввакума вначале Жития; 2) наставление единомышленникам о необходимости и правилах проведения исповеди; 3) открытое выступление против запрета священнику причащать и исповедовать своих детей; 4) речь Аввакума на церковном соборе; 5) завершающая сюжет Жития проповедь, помещенная автором перед «повестями о чудесах».

Рассмотрим один из этих фрагментов – выступление автора против запрета священнику собором 1667 года причащать и исповедовать своих детей. Именно в этой части житийного текста видно, как повествование постепенно переходит в авторскую речь. Сначала идет сюжетное повествование: *«Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил... Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом – с прикащиком... И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех – велено так делать»* (158). А затем оно сменяется авторской речью с диалогическими отношениями в категориях Я – ОНИ: *«А что запрещение то отступническое, то я о Христе под ноги кладу... а отступников отрицаю и клену, – враги они Божии, не боюсь я их, со Христом живучи!.. А што много говорить? Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя, – так и ладно будет!»* (159)), то есть сменяется опосредованным диалогом с противниками. Далее эмоция нарастает – категориями диалога становятся Я – ВЫ, и появляются обращения непосредственно к никонианам: *«Простите, брате никонияне, что избранил вас: живите, как хотите...»* (159).

Соответственно, из прошедшего времени, из сюжетной событийности автор переходит к непосредственным высказываниям в настоящий момент времени (а это уже речь), но пока никониане для него «ОНИ» – диалог в категориях Я – ОНИ опосредован. Когда же автор переходит на категории Я – ВЫ (мн.ч. от ТЫ), то, по Э. Бенвенисту, начинается осуществляться межсубъектная коммуникация (об этом свидетельствует и появление обращений к противникам), что окончательно закрепляет сказанное за моментом речи и делает говорящего именно говорящим (не пишущим). А значит, диалог становится практически непосредственным (конечно, следует учитывать письменную форму общения). Этот фрагмент житийного текста, относимый нами к полемическому уровню, и самим автором оценивается как единство, обособленное от сюжетного повествования, поэтому он сам марки-

рует момент перехода от полемики к основному повествованию: «Полно тово, – и так далеко забрел. На первое возвратимся» (159).

Диалог можно назвать основным структурообразующим принципом организации текста Жития, а также одним из основных художественных принципов Аввакума как писателя, проявляющимся и в других его сочинениях. В решении прагматической задачи Жития – проповедовать правую веру – диалоги играют решающую роль, ибо в основе полемических частей текста лежат диалогические отношения проповедника и паствы, проповедника и «отступников-никониан». Речевая организация Жития по сути своей – диалог автора с читателем, ибо автором выбрана сказовая манера повествования с введением эмоционально-горестных или удивленных восклицаний, со сменой интонации, ассоциативными сцеплением мыслей, с введением обращений и вопросов к читателю.

Отметим, что эта прагматическая задача Жития соединилась с художественной манерой писателя. Диалог как словесное самовыражение, как полемика и спор, как способ изменить существующую ситуацию – все это было основными принципами Аввакума как личности и религиозного деятеля – все это стало основой основ его художественной системы, которая оказалась удивительно близкой произведениям литературы нового времени.

Литература

- Адрианова-Перетц В.П. Старообрядческая литература // История русской литературы: Учебник для пед. вузов. М., 1941. Т. 1. Ч. 1.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. I. Под ред. Л.В. Щербы. Пг., 1923.
- Герасимова Н.М. Поэтика Жития протопопа Аввакума. СПб., 1993.
- Демкова Н.С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 41. Л., 1988.
- [Лихачев Д.С.] Протопоп Аввакум // История русской литературы. М.;Л., 1948. Т. 2. Ч. 2.
- Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963.